

КАЧЕСТВО ЗНАНИЙ КАК ПРЕДПОСЫЛКА И УСЛОВИЕ ТЕОРЕТИЗАЦИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ

Данная статья продолжает серию публикаций, посвященных процессу становления и развития теоретического статуса криминалистической методики. Центральное место в исследовании отводится оценке качества вырабатываемых криминалистической методикой знаний. Анализ процессов раннего этапа становления и развития знания является решающим для более глубокого понимания и осмысления теоретических и гносеологических проблем современной криминалистической методики.

Человеческое познание подчиняется общим закономерностям и, прежде всего, в том смысле, что всякое познание имеет социальный, общественный характер. Социально-историческая обусловленность познания определяется, в том числе, уровнем материальной и духовной жизни общества, его социальной структурой, приоритетными интересами. Доминирующие приоритеты и ценностные предпосылки, в частности уровень развития науки определяют не только выбор приоритета познания, установление целей и задач, но и основные научно-познавательные подходы, методы и специфику истолкования познания. Становление и развитие знания как такового и знания, вырабатываемого криминалистической методикой, может быть объяснено и понято только в системе историко-социальных связей.

Формирование и эволюция научных понятий криминалистики, включая и понятие «криминалистическая методика», всегда привлекали к себе внимание исследователей. В различные периоды истории развития криминалистического познания они становились предметом специального научного анализа.

Интерес к научно-понятийному аппарату не случаен. Он диктуется тем, что научные понятия являются одной из основных форм существования вырабатываемых наукой знаний. В понятиях фиксируются не только результаты научных исканий, они выступают в качестве основных конструктов социально-упорядочивающих и научно-порождающих систем, на основе которых осуществляется объяснение, регулирование и прогнозирование развития научно-познавательных процессов, оценка уровня развитости науки.

В каждый исторический период развития науки, будучи предельными по точности, объему и статусу содержащихся в них знаний, отражают доминирующие философско-мировоззренческие познавательные ориентации, представления и идеи о должном знании, характерные научно-познавательные тенденции, приемы и методы получения знания, предпосылки и условия его конституирования.

Анализ научных понятий вскрывает методологическую и теоретическую ориентацию науки, развитость научно-теоретического и научно-прикладного уровней развития, соотношение эмпирических и теоретических знаний. Научные понятия, углубляя понимание сущности познаваемых явлений, одновременно выполняют по отношению к достигнутому знанию функции, корректирующие и стимулирующие дальнейшую прогрессирующую эволюцию научного знания, его методологическую и теоретическую концептуализацию.

Криминалистическая методика относится к числу основных системообразующих научных категорий в криминалистике. В ее границах вырабатываются и систематизируются новые знания и новые понятия, инспирируется развитие научно-познавательной деятельности

и формирование практически-действенного стиля мышления, отвечающего современным реалиям борьбы с преступностью. Прочно заняв свое место в системе научно-понятийного аппарата криминалистики и криминалистических знаний, криминалистическая методика является их убедительным логическим завершением. Именно в методике аккумулируются и на практике апробируются все достижения научно-теоретических и научно-прикладных исследований. В известном смысле можно сказать, что криминалистическая методика – это лицо криминалистики.

За последние примерно сорок лет научно-познавательный интерес к проблемам криминалистической методики значительно вырос. С каждым годом возрастает количество публикаций, представляющих собой внушительный список одних только монографических исследований, не говоря уже о статьях в научных журналах, ученых записках, сборниках научных трудов. За десятилетия существования в криминалистической методике накоплен значительный объем эмпирического материала, все более разнообразными являются концептуально-теоретические подходы (в нашу задачу не входит оценка теоретической аутентичности существующих концепций), нацеленные на более глубокую проработку познаваемых явлений, их природы, места и роли в системе криминалистических знаний.

Наряду с криминалистами отдельные вопросы и проблемы криминалистической методики исследуются представителями иных наук, главным образом криминального цикла.

Названные обстоятельства являются приметным и убедительным свидетельством интенсивного развития криминалистической методики.

Вместе с тем, несмотря на высокую исследовательскую активность, теоретическая освоенность данного раздела криминалистики все еще остается неудовлетворительной. На это обстоятельство в разные периоды времени обращали внимание ряд исследователей, подчеркивая, что в научно-теоретическом плане криминалистическая методика не обнаруживает заметных сдвигов и существенно отстает от иных разделов науки криминалистики, поскольку не выходит за границы эмпирического уровня, концентрируясь на исследовании сугубо практических задач [1; 2. С. 3; 3; 4. С. 111; 5; 6. С. 6].

Неразвитость теоретического аспекта снижает, как писал А.Н. Васильев «коэффициент полезного действия всей криминалистики с отрицательными последствиями для расследования преступлений» [2. С. 3].

За этим выводом стоит фундаментальная проблема – проблема теоретизации криминалистической методики. По своей научно-познавательной значимости и мас-

штабности она сопоставима с общетеоретическими проблемами науки криминалистики.

Обособление криминалистической методики без преувеличения оказало и продолжает оказывать влияние на развитие криминалистики и вырабатываемого ею знания в целом.

Криминалистическая методика как научно-криминалистическая категория инициируя поиск научно-рациональных подходов, задействует и группирует вокруг себя философско-мировоззренческие доктрины, теоретические и методологические концепции самого широкого круга наук – естественных, гуманитарных, социальных, так или иначе увязываемых с анализом и разработкой теоретических и прикладных проблем исследования преступлений. Безусловно, что данные процессы оказывают существенное влияние на методологические и теоретические процессы развития криминалистики, на процессы получения новых знаний и их квалификации, т.е. относимости к эмпирическому либо теоретическому уровням.

В свете изложенного представляется, что в криминалистической методике до настоящего времени не сформировано ядро научного знания – теоретическое знание. В силу известной мировоззренческой и историко-социальной инерции криминалистическая методика интерпретируется до настоящего времени как исключительно прикладная сфера знания. Она движется вперед пропорционально массе знаний, унаследованных ею от предшествующих исследований, которые оцениваются как исключительно эмпирические знания.

Существующая концептуальная модель криминалистической методики и ее теоретико-познавательный статус проблематичны. И то и другое находится по существу в стадии становления.

Проблема теоретизации возникла не сегодня, она зрела десятилетиями, с тех пор, когда криминалистическая методика была выделена в качестве самостоятельного раздела криминалистики. Но было бы большой ошибкой считать, что в плане развития теоретического аспекта ничего не делалось. Усилиями не одного поколения исследователей формировались научные представления о предмете и задачах криминалистической методики, о ее структуре, общих положениях и принципах, месте и роли в системе криминалистических знаний. Словом, был создан тот фундамент, благодаря которому криминалистическая методика не только не утратила своей научной и практической значимости, но и преумножила его.

Вместе с тем жесткий вывод об одностороннем развитии криминалистической методики существует, и он не лишен оснований. Каковы эти основания? Почему криминалистическая методика пошла по пути преимущественного решения сугубо практических задач и десятилетиями оставалась на эмпирическом уровне развития? Каковы гносеологические истоки и доминирующие тенденции, обусловившие ее одностороннее развитие?

Поставленные вопросы позволяют определить, до известных пределов, научно-исследовательский вектор. Он лежит, по нашему мнению, в плоскости адекватной оценки вырабатываемых и систематизируемых в криминалистической методике знаний.

Объективная необходимость проблематизации и исследования качества знаний определяется рядом пред-

посылок. Известно, что получение научных знаний является основной целью и условием существования науки, ее фундаментальным признаком. Не является в этом плане исключением и криминалистическая методика. Именно знания служат основным конструктом концептуализации, формирования научно-логического каркаса модели криминалистической методики. Знания не только стимулируют научно-творческие искания, но выступают предпосылкой противоречивых суждений, мнений, оценок, взаимоисключающих позиций, непродуктивных дискуссий. В итоге со статусом знаний сопрягается оценка криминалистической методики. Эти обстоятельства подчеркивают настоятельную необходимость особого внимания к вырабатываемым знаниям.

«Качество, как непосредственная определенность есть первая определенность, – подчеркивал Гегель, – и с нее следует начинать» [7]. Каков научный статус вырабатываемого знания, такова и оценка научного статуса криминалистической методики в целом. Вопрос оценки качества знаний – принципиально значимая гносеологическая проблема криминалистической методики.

Осмысление и анализ поставленной проблемы невозможно в отрыве от истории становления и развития криминалистической методики, ее взаимосвязей с научными основоположениями криминалистики и иными науками. Но в нашу задачу не входит восстановление и анализ всей историко-научной картины криминалистической методики, всего многообразия обсуждаемых в научной литературе вопросов и проблем. Эта тема заслуживает отдельного исследования, настолько она обширна.

В ракурсе поставленной проблемы нас интересует история криминалистической методики, прежде всего, как история научно-познавательной деятельности, направленной на разработку и получение научно-рациональных (теоретических) знаний. История под данным углом зрения является фрагментом в развитии криминалистической методики. Она охватывает основные системообразующие этапы становления и развития знания, доминирующие идеи и представления о должном знании и основных направлениях его концептуализации, зарождение и формирование основных научно-познавательных тенденций; объективные, научные и социокультурные предпосылки и условия, стимулировавшие (сдерживавшие) зарождение, формирование и развитие научных положений, составивших научно-логический каркас криминалистической методики.

Научно-познавательные искания в криминалистической методике, направленные на формирование и развитие научно-теоретических знаний, укладываются в два магистральных системообразующих направления.

Первое преимущественно сориентировано на систематизированное раскрытие и изложение учения о природе (предмете) криминалистической методики. Второе сопряжено с осмыслением закономерностей научно-понятийных и предметно-практических связей средствами методологического познания. В единстве они образуют основной динамический массив знания. В границах данных направлений разворачиваются, обособляются и реализуются различные системы знаний; исходно они определяют гносеологическую ориентацию, видовые и внутривидовые концептуальные различия моделей криминалистической методики; логико-рациональную (научную, практическую) обработку познавае-

мых явлений, иерархию и конституирование вырабатываемых знаний.

Хронологически первое направление возникло в 1925 г., когда И.Н. Якимов предложил рассматривать криминалистическую методiku в качестве самостоятельного раздела науки криминалистики [9]. Начиная с этого времени поиск идеальной модели предмета становится одной из центральных научно-познавательных задач.

Исследование природы криминалистической методики, включая и определение предмета, не стало самоцелью, оно инициировало охват и изучение различных по своей масштабности и научно-познавательной значимости уровней связей и отношений. Широта предметно-проблемного поля обусловила совершенствование научно-понятийного аппарата криминалистической методики, корректировку и уточнение ее научно-теоретических и предметно-практических связей, соотношений с логикой развития общетеоретических положений науки криминалистики. Наиболее полно многоплановые проблемы предмета криминалистической методики освещены в трудах Р.С. Белкина, А.Н. Васильева, А.И. Винберга, И.А. Возгина, В.К. Гавло, И.Ф. Герасимова, В.И. Громова, Б.Л. Зотова, А.Н. Колесниченко, Л.Л. Каневского, В.Е. Корноухова, И.М. Лузгина, В.А. Образцова, И.Ф. Пантелеева, Н.А. Селиванова, В.Г. Танасевича, Б.М. Шавера, А.А. Эйсмана, Н.П. Яблокова, Н.А. Якубович, а также в многочисленных научных статьях.

Конструирование модели предмета сопровождается включением в анализ теоретических и методологических положений самого широкого круга философских, естественных, гуманитарных и социальных наук, так или иначе связанных с познанием проблем расследования преступлений.

Названные научно-познавательные устремленности оказали позитивное влияние не только на развитие криминалистической методики, но и на криминалистику в целом, что в итоге и дает основания расценивать исследования в области предмета как самостоятельное научно-познавательное направление.

Вместе с тем, продолжительность исследований, широкий спектр вариантов концептуально-теоретических моделей и эвристических возможностей не привели к гносеологическому прорыву ни в создании оптимальной модели предмета, ни к более полному уяснению представленности и гносеологической значимости в концептуально-теоретических моделях предмета эмпирического и теоретического уровня знаний. Анализ знаний, их качественная оценка оставались вне поля зрения исследователей.

На наш взгляд, определение предмета, установление его границ имеет установочный, целеориентирующий характер; оно придает научной и практической деятельности известную направленность, относительную историко-временную устойчивость, логико-рациональную целесообразность; оно служит одним из условий консолидации познаваемых явлений. Но считать данные предпосылки и условия исчерпывающе достаточными для оптимальной теоретизации было бы преувеличением, на этом пути есть проблемы. Вся научно-познавательная история становления и развития учения о предмете есть перманентный процесс концептуальных реформаций. Предмет – это такое образование,

которое постоянно тяготеет к изменениям, к трансформациям, к взаимодействию с другими науками (заимствование научных понятий, терминов, идей.), с текущей практикой. Постоянные структурно-содержательные изменения, подвижность и изменчивость познавательных границ и намечаемых рубежей проистекают из многомерности научного и практического опыта, из расслоенности знания и вариативности познавательного отношения к явлениям и тенденциям, фиксируемым на уровне предмета. Не менее значимо и влияние доминирующих тенденций в общественном сознании, обусловливаемых историческими, в частности, социокультурными и политико-идеологическими особенностями времени.

В границах отмеченных процессов, характерных для формирования представлений и оценки динамики развития учения о природе криминалистической методики, сложилась противоречивая ситуация. Она характеризуется тем, что, с одной стороны, объект исследования принадлежит к разряду коренных, существенно определяющих оценку уровня развитости криминалистического знания, а с другой – размыт, раздроблен разнобразными научно-познавательными подходами и классификациями, заполнен правовыми, психологическими, кибернетическими, информационными, этическими, политическими флуктуациями; когда в нем взаимодействуют гуманитарные и естественно-технические знания (научно-теоретические положения, суждения, утверждения, на основе которых разворачивается и обосновывается та или иная концепция); когда он изучается представителями других наук, но каждой наукой со своей стороны; когда едва ли не каждая попытка определения предмета тут же вызывает либо дискуссию, либо просто неприятие – все это начинает взаимодействовать, взаимосвязываться, взаимообуславливаться, что в итоге не только не проясняет видение предмета, но, пожалуй, еще в большей степени скрывает его контуры, поскольку таковы фундирующие предмет основания.

Учение о предмете позволяет как обособливать, так и объединять различные по своему гносеологическому статусу знания. Это могут быть знания-персоналии, удостоверяющие субъективное признание на истину по субъективному основанию; знания, полученные в результате обобщения и установления некоторых закономерностей и тенденций, обнаруживаемых в текущей следственной практике; знания, содержащиеся в терминах, почерпнутых из профессиональной сферы деятельности; знания, являющиеся результатом абстрактно-логической научно-рациональной обработки.

Учение о предмете есть, таким образом, открытая система, группирующая вокруг себя и впитывающая знания с различным генезисом, с различными уровнями связей и отношений. Ассимилируясь, они лишь на первый взгляд предстают как гносеологически однородные. Именно это обстоятельство – гносеологическая разнородность знаний – служит источником противоречивых утверждений, суждений, оценок. Привлеченные из различных познавательных источников, будучи идейно и гносеологически разрозненными, они в силу указанной особенности не образуют единого по своему статусу знания. Смешение знаний является одним из

скрытых факторов, порождающих противоречия и длительные дискуссии, поскольку в концептуальную модель встраиваются эмпирическое и теоретическое, необходимое и случайное, причина и следствие. Сводясь в один актуальный ряд, они оказывают влияние не только на представление о предмете, но и на квалификацию (оценку) знания, лежащего в его основе. Со временем, приобретая характер устойчивой научно-познавательной тенденции, гносеологически разнородные знания на долгие годы, по инерции, могут определять магистральные пути развития и получения знания, определять гносеологический статус криминалистической методики.

Таким образом, учение о предмете как объект самостоятельного познания, не позволяет в должной мере вскрыть и осмыслить научно-причинную картину и гносеологические истоки становления и развития знания в криминалистической методике.

В данной абсолютно проблемной, внутренне противоречивой ситуации составитель представление об инфраструктуре знания, входящего в состав учения о криминалистической методике, а также об обстоятельствах, обусловивших ее одностороннее развитие, возможно только в ракурсе методологического анализа.

Методологическое познание – второе самостоятельное направление; оно имеет в криминалистической методике весомое научно-познавательное значение. Имеется ввиду совокупность достаточно стабильных познавательных традиций, сложившихся специфических исследовательских направлений.

Понятие «методология» используется в научно-криминалистических исследованиях преимущественно в двух значениях. Так, часть исследователей придерживается точки зрения, в соответствии с которой методология науки определяется как учение о методах науки [4. С. 20; 9].

Другие, в частности Р.С. Белкин и А.И. Винберг, критически оценивая данное истолкование значения методологии и одновременно подчеркивая исходность своей позиции, отмечали: «До настоящего времени методологические основы науки иногда рассматривают как понятие, равное по содержанию понятию метода науки. ... методологические основы науки – это ее общая теория, включающая в себя систему ее мировоззренческих принципов, теоретических концепций, категорий и понятий, методов и связей, определений и терминов. ... методология – это теоретическая система знаний, т.е. система идей, а не просто способов исследования. Составным элементом методологии является учение о методах познания, в том числе и о методах формирования теоретических положений, о методе конструирования теорий. ... учение о методах познания не исчерпывает собой содержания методологии» [10. С. 11–14].

Не тождественны в полном логико-содержательном объеме, но близки по смыслу и идейно-научной направленности методологические ориентации И.Ф. Пантелеева и И.М. Лузгина [11; 12. С. 7]. Аналогичны изложенной выше позиции представления о понятии «методология науки» ряда ученых, исследующих проблемы теории права [13]. Анализ научно-криминалистической литературы, а также литературы иных отраслевых наук, показывает, что содержание понятия «мето-

дология науки» до сих пор недостаточно ясно, что имеются различные точки зрения по вопросу о том, что такое «методология науки» и какова ее структура, что, наконец, трудно найти простое, ясное и вместе с тем общепризнанное определение этого понятия. Так, например, Д.А. Керимов еще в 1977 г. писал, что «Несмотря на то, что термин “методология” постоянно используется во всех науках, в том числе и в правоведении, границы его понятия оказались до такой степени размытыми разноречивыми толкованиями и определениями, что он нередко употребляется в различных и даже противоречивых смыслах» [14]. Дискуссия по проблемам становления и развития учения о методологии наиболее полно освещается в работах многих исследователей [4; 10; 12; 15–28]. Ни в одном из значений определение понятия «методология» не принимается исследователями безоговорочно, ни одно из них не стало приоритетным. Дискуссия находится на той стадии, когда стороны высказали максимальное количество аргументов и все же не пришли к общему решению.

Как мы полагаем, наличие разных позиций не является неким фатальным изъяном, более того, все концептуально-теоретические системы содержат те или иные допущения и условности, оправдываемые особенностями исследования, конечными результатами. Важнее констатировать ориентацию на минимальность допущений и условностей и готовность к рассмотрению других возможностей. В этом плане можно говорить о том, что одни допущения и условности более обоснованны, чем другие. Очевидно, что постулативность и категоричность в вопросах с тонкой философско-аналитической нюансировкой выглядит малоубедительной.

Наличие разных позиций в понимании такого сложного концептуально-теоретического образования, как «методология» есть показатель не силы или слабости сторонников той или иной точки зрения, того, что «методология» как самостоятельное явление и исключительно важное научно-познавательное средство есть развивающееся теоретическое образование, в силу чего незавершенность дискуссии, до известной степени, оправдывает существование разных позиций.

Вместе с тем положение дел таково, что оно всякий раз ставит любого исследователя перед необходимостью выбора той или иной позиции. Ясно и другое – выбор не может быть тотально субъективным. Существуют ли наряду с внутренними интенциями и устремленностями исследователя объективные критерии выбора, каковы они?

Как следует из анализа литературы в научно-криминалистических исследованиях, проблема выбора методологической позиции инспирируется предметом и целями исследования. В качестве иллюстрации приведем ряд апробированных методологических подходов. Так, например, научно-познавательная задача, поставленная Р.С. Белкиным и А.И. Винбергом, состояла в поиске научно-категориальных и предметно-практических связей философии и криминалистики [10. С. 11]. Масштабность задачи (цели) диктовала необходимость выбора адекватных средств анализа. В качестве такового они определили максимально развернутое определение понятия методология, приводимое нами ранее.

Иные научно-познавательные цели ставил И.М. Лузгин. Его задачей было раскрыть и показать природу

предварительного расследования как познавательной деятельности, выявить специфические закономерности ее осуществления, показать систему методов познания, выявить особенности доказательственной информации, вскрыть природу достигаемого расследованием знания [12. С. 7].

По мнению же Н.П. Яблокова значение методологических средств познания состоит, прежде всего, в обеспечении разработки наиболее оптимальных методов практической деятельности лиц, ведущих расследование, в раскрытии основных условий, принципов и возможностей использования современных методов познания прошлых событий, явлений, фактов при разработке методов расследования преступлений [6. С. 17].

Данные примеры исчерпывающе, на наш взгляд, иллюстрируют содержательную и доказательную зависимость методологической ориентации от предмета, целей и задач исследования.

В ситуации выбора из двух актуально претендующих на истину значений понятия «методология» при отсутствии исчерпывающего объяснения нет иного механизма, приближающего к пониманию существующей в научно-исследовательской практике избирательности, как определяемые исследователем цель, задачи и предмет исследования. Значимость влияния данных конструктов на ход и конечные результаты познания достаточно очевидны. В единстве они служат объективной предпосылкой и обязательным условием формирования гносеологической позиции. Выступая в качестве конструктов, фундирующих предельные исходные начала решения познавательной задачи (проблемы), они отличаются признаками постоянства, непрерывности и устойчивости. Присутствуя в каждом исследовании в качестве научно-познавательного ядра, они существенно определяют методологическую позицию, координируют логику-содержательную стилистику методологических исканий, охват включаемых в анализ связей и отношений, их уровень и масштабность. В совокупности они, как закон, определяют исследовательский вектор, предметно-познавательное проблемное поле, уровень включаемых в анализ связей, внутреннее размещение материала и логику анализа, способы обоснования и аргументацию. Познавательная сущность данной триады заключается, в частности, в возможности непосредственной контролируемости (критикуемости) методологической позиции, что особенно важно при выборе методологического ракурса анализа или, иными словами, включаемых в аналитический процесс явлений. Указанные обстоятельства являются одним из значимых познавательных рубежей постижения сущности процесса становления и развития знания в криминалистической методике.

Адекватный глубине поставленной проблемы ракурс анализа сопряжен с осмыслением философско-мировоззренческих, научно-идейных начал, определяющих научно-познавательную устремленность и научно-познавательную идеологию, научно-познавательные подходы. Именно в этой сфере как составной части методологии зачастую неявно выраженной в научных исследованиях, но не ставшей от этого менее значимой в оценке получаемого знания, скрыты гносеологические корни противоречиво-одностороннего развития знания в криминалистической методике.

Опираясь на пласт сформированных знаний и актуально формирующихся представлений, уточним предпосылочные условия анализа, границы проблемного исследовательского поля (предмета), которые в развернуто-конкретизированном виде представляют собой систему: предпосылок и условий получения новых знаний; способов и направленности логики-рациональной обработки познаваемых явлений; существа познавательных актов и процедур, целеориентированных на реконструкцию, консолидацию и адекватную воспроизводимость познаваемых явлений, обеспечивающих их гносеологическую однородность и теоретическую аутентичность; исходность научно-познавательной позиции познающего субъекта – этого неперменного спутника научных исканий, который явно или неявно руководствуется в своей деятельности системой философско-мировоззренческих идей, представлений и предпочтений, формирующих конфигурацию исследовательско-познавательной позиции.

Мы исходим из того, что в любом значении методология – это не догма, не катехизис свода правил, норм, жестко-однозначно регламентирующих научно-познавательную деятельность предписаний. Методология – это не инструкция. Известный философ М.К. Мамардашвили, оттеняя творческое начало в познании, составной частью которого является и методологическая составляющая писал, что «... действительная теория познания все же возможна. Но лишь при условии, что она описывает и формирует не нормы, в которых должен выполняться познавательный акт (что оставляло бы нас в роли ментальных существ, которые изнутри некоторых сущностей наблюдают мир), а является органической в том смысле, что выявляет и затем описывает образования, имеющие собственную, естественную жизнь, продуктом которой являются наши мнения и наблюдение которой позволяют формулировать законы как необходимые отношения, вытекающие из природы вещей, а не правила, имеющие вселенский или универсальный характер» [29].

Сказанное не означает, что выбор познавательно-методологической позиции может или должен быть тотально субъективным. Философ с мировым именем Пол Фейерабенд, оценивая научно-познавательный регламент, выработанный наукой, и его роль в методологии познания, высказал суждение о том, что «процедура, осуществляемая в соответствии с правилами, является научной; процедура, нарушающая эти правила, ненаучна. Эти правила не всегда формулируются явно, поэтому существует мнение, что в своем исследовании ученый руководствуется правилами скорее интуитивно, чем сознательно. Кроме того, утверждается неизменность этих правил. Однако тот факт, что эти правила существуют, что наука своими успехами обязана применению этих правил и что эти правила рациональны в некотором безусловном, хотя и расплывчатом смысле, – этот факт не подвергается ни малейшему сомнению» [30].

Ни Пол Фейерабенд, ни М.К. Мамардашвили не отрицают необходимости следования выработанному научно-познавательным опытом исследовательскому регламенту или правилам, но и не абсолютизируют их.

Это обстоятельство представляется особенно важным для методологии гуманитарного знания, которое в

отличие от собственных и технических наук находится в стадии формирования. В этой связи полагаем, что категоричность суждений по проблемам с тонкой философско-методологической нюансировкой в ситуации, когда методология гуманитарного познания по большому счету не разработана, выглядит малоубедительной.

Методология развивающееся теоретическое образование. Структурно оно представлено двумя уровнями: формально-методологическим и историческим. В концептуальном плане методологический анализ вырабатываемых наукой знаний, может быть осуществлен на том или ином уровне как раздельно, так и в единстве.

Первый подход опирается на средства и методы формальной логики и направлен, главным образом, на анализ результатов познания, второй – основное внимание обращает на развитие научного знания [25. С. 118].

Для первого уровня характерно обращение к таким формально-методологическим приемам и процедурам, как анализ и синтез, обобщение и абстрагирование, индукция и дедукция, формализация и аксиоматизация, гипотеза и аналогия. Расстановка научно-исследовательских акцентов проистекает из необходимости более глубокого осмысления, оценки (переоценки) и объяснения логических взаимоотношений и связей между научными понятиями и концептуально-теоретическими образованиями, соответствия утверждений, определений, суждений и выводов законам логики и методам их проверки, экспликации и экстраполяции научных понятий.

В исследовании основную познавательную-методологическую нагрузку несет логико-лингвистический метод анализа. В его границах осуществляется последовательное движение мысли от сомнения в логически исходном до демонстрации логически оправданного в завершающем. Полученное в ходе такого анализа выводное знание оправдано логически обозримым будущим. Будучи произведением интеллектуальной мысли, такое знание вполне может составить инвариантный результат познания.

В силу указанной особенности оно есть на данном историческом отрезке времени лишь фрагмент преобразования (познания), следствие предшествовавших, а также последующих (предстоящих) уточнений и дополнений, становления и развития (переосмысление, переоценка и уточнение знания). Истина, как и формы ее удостоверения, динамична. Достаточно указать на то, с какими трудностями идет формирование научно-рационального аспекта криминалистической методик.

Познавательный и эвристический потенциал формально-методологического уровня позволяет восстановить и уточнить логику наукообразования, логику научного поиска, движение мысли от конструкции до деконструкции. Формально-логические средства упорядочивают знания с позиций учения о формах мышления, определяют их место и функциональную роль в структуре знания как такового. Но одна логическая правильность не гарантирует как истинности мысли и, соответственно, содержащегося в ней знания, так и его качественной оценки. Формальная или, что то же самое, нормативная методология отчуждена от оценки качества вырабатываемых знаний. Изменение, развитие, рост знания, особенности его качественных трансформаций остаются вне формально-логических прие-

мов и средств. Эти процессы недоступны формально-методологическому познанию.

Логико-лингвистический анализ, составляющий краеугольный камень формально-методологической программы, исходно программирует формальную оценку получаемых знаний. Изначальная отвлеченность от истории зарождения знания, от условий и предпосылок трансформации и генерализации знаний, даже при включении в анализ некоторых элементов исторического, в лучшем исходе завершается констатацией эмпирического и теоретического уровней знания, оптимистичным утверждением о неизбежности перерастания эмпирических знаний в теоретические. Однако история существования криминалистической методик и составляющих ее знаний идет вразрез с данным выводом.

Формально-методологический уровень познания, в ходе которого осуществляется уточнение, корректировка, шлифовка существующих понятий, концепций, взаимосвязей и отношений, является необходимым актом научно-познавательной деятельности. Методологическое познание на указанном уровне широко распространено в криминалистической методике, его конструктивный вклад в развитие знаний неоспорим. Более того, как отмечается в философско-методологических исследованиях, «такой подход к анализу научного познания не только правомерен, но и необходим как существенная часть более глубокого исторического познания» [25. С. 228].

Полная рефлексия раннего этапа зарождения криминалистической методик и вырабатывавшихся знаний крайне затруднительна. Реконструкция отягощается отсутствием системной теории и смешением научно-мировоззренческих взглядов и представлений о должном знании. В этой связи мы затронем лишь известную часть объективных предпосылок и условий, существенно фундировавших предметно-проблемное пространство, стимулировавших развитие знания в определенном направлении. В частности, остановимся на характеристике социокультурных особенностей времени и их влиянии на формирование общего контура знания.

Возможность ограничения проистекает из того, что историческое время качественно неоднородно, задается системой стимулов (запретов) или, иначе говоря, типом социальной стимуляции. Тип социальной стимуляции есть, по нашему мнению, обусловленная социально-историческими предпосылками потребность государства и общества в криминалистическом знании; его горизонты (научно-познавательные, практико-прикладные) задаются уровнем развития материальной и духовной жизни общества, его социальной структурой и доминирующими интересами.

Как следует из анализа криминалистической литературы довоенного периода, первые советские криминалисты несомненно находились под впечатлением практики социалистического строительства, социокультурных особенностей времени, текущей судебно-следственной практики. Влияние «Практики» на интеллектуальную ментальность, мыслительные инициативы, взгляды и представления было предельным по своей масштабности. Интеллектуально-познавательная зависимость состояла в том, что криминалисты принимали, разделяли и научно осваивали порожденные «Практикой» социокультурные особенности времени. Осознанно встраи-

ваемые в научно-познавательную деятельность, они приобретали характер научной мысли. Так, первые научные труды советских криминалистов, первые научные исследования преследовали и сугубо просветительские цели. Культурно-просветительская деятельность, пропаганда и приобщение к криминалистическим знаниям широких кругов населения являлись одними из престижных, общественно одобряемых задач. Как писал В.И. Громов необходимость основательного научного подхода к освоению данной задачи «...диктуется нам и основными принципами нашего советского строительства, которые требуют, по завету Ленина, массового вовлечения всех трудящихся в общегосударственную работу всех органов управления и хозяйствования» [31. С. 6].

В предисловии к работе И.И. Якимов отмечалось, что «автор не только удовлетворительно справился со своей задачей дать уголовно-розыскным, следственным и судебным органам детальное практическое руководство по технике и тактике расследования преступлений, но и привел в нем ряд интересных теоретических обобщений, освещающих смысл и значение трактуемых им предметов. Благодаря этому руководство приобретает значение не только для узких специалистов, но и для более широких кругов населения, которых не может интересовать то или иное разрешение вопросов общественной жизни» [8].

В редакторском предисловии в работе Альберта Гельвига отмечалось, что «...знакомство с общими данными криминалистики важно не только для судебных работников, но и для более широких кругов населения. ...каждый гражданин, стоящий на страже своих интересов и желающий способствовать раскрытию преступлений, должен быть хотя бы самым общим образом ознакомлен с возможностями, которые открывает для этого криминастика» [32].

Как видно из изложенного, задействие социокультурных особенностей времени, их прямое включение в сферу познавательной деятельности не было произвольным актом. Первые советские криминалисты не могли игнорировать базовые взаимосвязи с обществом, зависимость от «практики», от материально-практических условий, от формировавшихся идейно-мировоззренческих установлений.

Вглядимся в судебно-следственный корпус. Уже называвшийся В.И. Громов, характеризуя общее состояние уровня организации следственной деятельности и уровень подготовки следователей, писал: «...в условиях советского строительства классовые интересы рабоче-крестьянского государства требуют, чтобы к работе в эти органы привлекались прежде всего рабочие и крестьяне, которые, однако, часто являются мало подготовленными к такой трудной и ответственной работе. Ни для кого не секрет, что качественный состав наших работников милиции и уголовного розыска пока является недостаточно квалифицированным. Призванные от плуга и станка и допущенные к этой работе в качестве добровольцев или выдвиженцев эти работники, хотя большею частью политически грамотные и с достаточно крепкой подготовкой в области марксизма и ленинизма, однако, обнаруживают большие пробелы в знании техники расследования, не говоря уже о крайне слабой юридической подготовленности к работе.

Все это, вместе взятое, создает для этих работников, в процессе их работ в органах дознания, чрезвычайные трудности» [31. С. 4].

Как отмечалось в других работах данного периода, расследование уголовных дел сопровождалось массовой ненужной, бесполезной работой. Ведение следствия осуществлялось нередко из любопытства или по полнению отчетности [33].

Тотально низкий образовательный уровень, отсутствие профессионального опыта, необходимость приобщения к криминалистическим знаниям самых широких кругов населения служили ориентирами, не двусмысленно указывавшими на то, каким требованиям должны соответствовать криминалистические знания, чтобы быть востребованными.

И.И. Якимов, столкнувшись с данным положением дел, еще в 1925 г. писал, что его работа «имеет своей целью дать в научной и систематической обработке по возможности полное изложение научных приемов и способов, необходимых и полезных при расследовании преступлений, проверенных долгим опытом, простых по существу, применяемых при всяких условиях расследования преступления, не требующих технических приспособлений и особых навыков, а потому и доступных не специалисту» [8. С. 24–25].

Осознавал уровень требований к знаниям и В.И. Громов. Он полагал необходимым разработать такие «методы работы» по расследованию преступлений, которые доступны «каждому среднему работнику, без отношения к его личным и индивидуальным качествам и способностям» [31. С. 12]. Сообразовывая свои взгляды с необходимостью решения культурно-просветительской задачи и с положением дел в судебно-следственных органах, он изложил требования, которым должны были соответствовать потенциальные знания в криминалистической методике. Это, по терминологии В.И. Громова, должны быть «элементарные сведения», «элементарная методическая инструкция», содержащая некоторую совокупность «правильных», «рациональных», «простых», «упрощенных», «облегченных», «технически несложных», «экономически обоснованных» правил, приспособленных для «расследовательских действий в отдельных случаях».

Открыто выраженное намерение вырабатывать знания (научные!) на элементарном, доступном для всякого лица уровне, было достаточным основанием, чтобы криминалистическая методика была принята «практикой». Предложенные знания символизировали самую тесную связь криминалистической методики с государством, с обществом и общественным знанием, с практикой социалистического строительства, с текущими судебно-следственными буднями. «Элементарные сведения», «методическая инструкция», содержащая незамысловатые правила, доступные самым широким кругам населения, доступные неспециалисту, но подкрепляемые политико-идеологическими положениями, высказываниями партийно-государственных лидеров, ссылками на марксистско-ленинские взгляды были вполне адекватны социокультурным особенностям времени, вносили свой вклад в культурно-просветительскую деятельность.

Но одновременно «элементарность» удостоверяла глубину понимания науки и практики, видение мас-

штабов и объемности их взаимосвязей и отношений. Элементарны рекомендации (знания), ориентированные на массовое общественное сознание, выстраиваемые на познавательной идеологии здравого смысла, присущего общественному знанию, были настолько рациональны, насколько они соответствовали ожиданиям «практики».

Плоский культурно-просветительский рационализм изначально уравнивал судебно-следственные кадры с самыми широкими кругами населения, а методическую инструкцию отождествлял с «методологией расследования» уже в момент появления.

Воспользуемся аналогией. Трудно представить «методологию врачебной деятельности», «методологию инженерной деятельности», «методологию деятельности архитектора» (этот ассоциативный ряд несложно продолжить), доступные всякому лицу, неспециалисту, самым широким кругам населения. Но культурно-просветительская идеология формировала, насаждала именно такой обыденно-жизненный, общедоступный образ криминалистической методики, да и криминалистики в целом. Жесткие, прямолинейно-однозначные социокультурные императивы объективно-вынужденно сводили в один актуальный ряд разнохарактерные, разнопредметные по своей природе и сущностной предназначенности виды деятельности [34. С. 142]. Криминалистическая методика, ассоциируя социокультурные особенности, программировала в перспективе их содержательное тождество. Сущность глубокой согласованности заключается в интеграции предмета и задач криминалистической методики в природу социокультурной составляющей. Исходно отождествляемые культурно-просветительская и научно-познавательная деятельности сливались в нечто целостное. В силу такой надуманно созданной конструкции, противоречащей опыту развития науки, собственно научно-познавательная и культурно-просветительская деятельности, научно-познавательный регламент и правила ведения культурно-просветительской работы, научное и общественное сознание становились трудно различимыми. В итоге они выступали не как две познавательные противоположности, а как некая единая конструкция, механизм которой был направлен на выработку научных (!) знаний. Интеллектуально-ментальная деятельность, мышление, мыслительные инициативы предзадвались данной слитностью. В ее недрах формировался специфический идейно-научный механизм мировосприятия, мироотношения, миропонимания с характерной для него интерпретацией познаваемых явлений. Незатейливый, выстроенный на самоочевидных, само собой разумеющихся, общедоступных для всякого среднего ума (или, что то же самое, для неспециалиста) представлениях механизм схватывал, обрабатывал и подавал познаваемые явления с той степенью ясности, которая сопоставима с общежизненным наивно-простодушным видением и пониманием мира. Данный механизм позволял напрямую соотносить и выдавать общедоступную реальность за диалектический материализм, что способствовало установлению адекватного отношения общества и государства, общественного сознания и судебно-следственных органов к вырабатываемым знаниям. Идейно-мировоззренческая модель — это, говоря словами Мераба Мамардашвили, «машина

мысли», которая, сложившись, ... порождает путем самовоспроизводящегося упорядочивания именно законно рожденные мысли» [35].

Культурно-просветительский тип социальной стимуляции, взращенный социокультурными особенностями времени, принял тотальный, самоценный характер. Он привнес и во многом способствовал вживанию в знания, вырабатываемые криминалистической методикой свойственной просветительству общедоступности, ясности, простоты; внедрению в научно-познавательную практику декларативных, бессодержательных утверждений типа «научное следствие», «научно-организованное следствие» и т.п.; внедрению в формирующийся познавательный фундамент обыденно-жизненных знаний, политико-идеологических положений, популистского истолкования диалектического материализма. Создаваемым формулам заранее приписывалось научное значение, уже в момент появления они рассматривались как априорные идеалы и залог научности. Конечно, все это так или иначе способствовало быстрому получению общественного признания, росту конкурентоспособности криминалистики и криминалистической методики среди иных наук.

Но наряду с приобретениями криминалистическая методика программировала и утраты. Последние были неизбежны уже в силу того, что культурно-просветительская деятельность феноменологична, она лишена гносеологических функций. Ассоциированная в криминалистическую методику, она выводила ее по существу в околонуучную сферу. Культурно-просветительская деятельность совпадала с логикой бытия, но она искажала логику наукообразования. Рубеж «наука — культурно-просветительская деятельность» если и не утрачивался полностью, то во всяком случае размывался, в результате чего научно-познавательная программа криминалистической методики в большей степени выглядит как социально-производственная, направленная на подготовку и повышение квалификации следственных кадров, повышение производительности и качества труда.

Первые советские криминалисты, руководствуясь решениями партии и правительства в области государственного управления и хозяйствования, направленных на «усовершенствование всего госаппарата советского государства» посредством его рационализации, улучшения, упрощения, удешевления, повышения плановости в качестве актуально-первоочередных постановляют такие задачи как «наиболее рациональный порядок ведения всей работы по расследованию преступлений», разработку «наиболее правильных, целесообразных методов, приемов и способов расследования, повышающих производительность труда органов расследования и качество расследуемых дел», «подготовку и переподготовку персонала обслуживающего органы расследования» [31. С. 3–27; 36].

По существу первые советские криминалисты действовали по принципу самообязывания. Его смысл отражен в словах Артура Шопенгауэра, который писал, что «Закон основания — общая форма всякого явления, и человек в своей деятельности, подобно всякому другому явлению, должен быть ему подчинен» [34. С. 145].

Вследствие содержательной неразличимости многие познавательные ходы, казавшиеся в ретроспективе

и логически обозримом будущем перспективными, оказались, на самом деле, познавательны тупиковыми.

Изложенное выше нет оснований рассматривать как исчерпывающий анализ. Но оценка качества зна-

ний, осмысление предпосылок и условий его становления заслуживает, по нашему мнению, более пристального внимания, поскольку со статусом знания сопряжен статус криминалистической методики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильев А.Н.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений // Социалистическая законность. 1975. № 4. С. 61.
2. *Васильев А.Н.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
3. *Танасевич В.Г., Образцов В.А.* О криминалистической характеристике преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1976. Вып. 25. С. 94–95.
4. *Селиванов Н.А.* Советская криминалистика: система понятий. М.: Юрид. лит., 1982. С. 111.
5. *Васильев А.Н., Яблоков Н.П.* Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 67.
6. *Яблоков Н.П.* Криминалистическая методика расследования преступлений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
7. *Гегель.* Наука логики. М., 1971. Т. 1. С. 137.
8. *Якимов И.Н.* Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925.
9. *Эйсмэн А.А.* Советская криминалистика. Теоретические проблемы. М.: Юрид. лит., 1978. С. 3.
10. *Белкин Р.С., Винберг А.И.* Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М.: Юрид. лит., 1973.
11. *Пантелеев И.Ф.* Методология криминалистики. М., 1982. С. 12.
12. *Лузгин И.М.* Методологические проблемы расследования. М.: Юрид. лит., 1973.
13. *Керимов Д.А.* Общая теория государства и права: предмет, структура, функции. М.: Юрид. Дом «Юстицинформ», 2000. С. 359–368.
14. *Керимов Д.А.* Общая теория государства и права: предмет, структура, функции. М.: Юрид. лит., 1977. С. 83.
15. *Стефанов Н.* Теория и метод в общественных науках. М.: Прогресс, 1967.
16. *Коптин П.В.* Логические основы науки. Киев: Наукова думка, 1968.
17. *Очерки методологии познания социальных явлений.* М.: Мысль, 1970.
18. *Лекторский В.А., Шейнман В.С.* Методологический анализ науки (типы и уровни) // Философия, методология, наука. М., 1972.
19. *Андреев И.Д.* Проблемы логики и методологии познания. М.: Наука, 1972.
20. *Яновская С.А.* Методологические проблемы науки. М., 1972.
21. *Денисов А.И.* Методологические проблемы теории государства и права. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.
22. *Методологические проблемы советской юридической науки.* М.: Наука, 1980.
23. *Советская криминалистика. Теоретические проблемы.* М.: Юрид. лит., 1978.
24. *Лукич Р.* Методология права. М., 1981.
25. *Возгрин И.А.* Криминалистическая методика расследования преступлений. Минск: Высшая школа, 1983.
26. *Никифоров А.Л.* Философия науки: история и методология. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998.
27. *Канке В.А.* Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. М.: Логос, методолог. 2000.
28. *Керимов Д.А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М.: Аванта+, 2001.
29. *Мамардашвили М.К.* Стрела познания (набросок естественно-исторической гносеологии). М., 1997. С. 19.
30. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии. М., 1986. С. 127.
31. *Громов Вл.* Методика расследования преступлений. М., 1929. С. 6.
32. *Гельвиг Альберт.* Современная криминалистика (методы расследования преступлений). М., 1925.
33. *Карницкий Д., Тривус Ю.* Вопросы уголовно-судебной и следственной практики. М., 1927. С. 94.
34. *Шопенгауэр А.* Избранные произведения. М.: Просвещение, 1992. С. 142.
35. *Мамардашвили М.* Картезианские размышления. М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1993. С. 335.
36. *Голунский С.А. и Розинский Г.К.* Техника и методика расследования преступлений. М., 1934. Вып. 1.
37. *Шопенгауэр А.* Указ. Соч. С. 145.

Статья представлена кафедрой криминалистики Юридического института Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Юридические науки» 15 июня 2003 г.